

РАССКАЗ

Не одним днём

С НЕДАВНЕГО времени я стал ходить на завод раньше обычного. Человек я не тщеславный, но кому не по душе посмотреть на свой портрет, вывешенный в центре аллея Славы. Под портретом надпись: «Николай Ажиров, Лучший рационализатор. Переводчик. Его обязательство — пятилетку в два с половиной года».

Рационализатором я сделался по чистой случайности. Сам я себе не подозревал талантов. Я, конечно, малый не глупый, но чтобы там голову ломать над чертежами — не пытался. Вообще понятие: любое гениальное открытие — случай.

Так вот приходит ко мне Ванька Вербов, кореш, и говорит:

— Выручай, старик. Я тут кое-что придумал, а грамотщина технической не хватает.

Посмотрел я его наброски, понял: переоборудован в а и и штамповочного станка по-вербовски стоящее дело. То детали штамповали на станке, а потом вручную девчата пинцетом забивали их с двух сторон. Теперь же штамп будет делать все операции одновременно. Производительность подскочит сразу процентов на триста. К тому же экономия металла. Что ж, отозвался я от тактич и вечерних концертов ради старика. Недели две сидели мы с Вербовым над чертежами.

Переоборудовали станки. Начальник цеха Быков сначала на дрыб: ему надо план выполнять, а тут такой остановился ради старика. Недели две сидели мы с Вербовым над чертежами.

Короче говоря, получили мы солидную премию. Про нас написали вначале в городской, а затем и в областной газетах. Даже с портретами. Премии обмывали в ресторане. По большому счету, не забыли пригласить не только большое начальство, но и Быкова. Люди мы не гордые, зла не помним.

Портрета Вербова наallee Славы нет. Он кое-как справляется с планом. Я же делаю два, а то и больше. Так сказать, с гаком.

Ну как после этого удержаться и не пройтись мимо своей физиономии, изображенной масляными? Эти заханы нестройными. Не успел я наловчиться тишиной, как пришлось перенести свое внимание на другой объект. Я увидел вехе Нинку Посконную. Она увеличенно терла бока станка привлаки и легколько напевала. Ухнул печал, стройные, она выглядела этаким школьницей-радиной. Не слыхну о ней: красавица. Но есть в ней что-то такое, чего нет в других девчатах. Глаза у Нинки большие, заманчивые, ресницы длинные, острые. Многие парни к ней клеились, да попусту. На всех ноль внимания.

В ЦЕХЕ еще стоит сторожкая тишина. Привычно пахнет прогорклым маслом, каменной стружкой. Эти заханы нестройными. Не успел я наловчиться тишиной, как пришлось перенести свое внимание на другой объект. Я увидел вехе Нинку Посконную. Она увеличенно терла бока станка привлаки и легколько напевала. Ухнул печал, стройные, она выглядела этаким школьницей-радиной. Не слыхну о ней: красавица. Но есть в ней что-то такое, чего нет в других девчатах. Глаза у Нинки большие, заманчивые, ресницы длинные, острые. Многие парни к ней клеились, да попусту. На всех ноль внимания.

— Раченно, раченно, товарищ Посконная. Перегруза на организм и все такое прочее... — Я ей с улыбочкой на ходу. Она в нарман за словом не лезет.

— Не беспокойся о чужом организме. О своем рекорде думай — побыю.

— Чего, чего? Не расслышал.

— Две обеды не жди, — голос Нинки ослышался. Грудиной и низкий. Будто переливается, и слова поучаются кругленькие, как речная галька.

— У-у-у-у... — Вот тебе и у-у-у... Товарищ Ажиров, трещица. — Нинка выпрямилась и стянула глаза в ехидной улыбочке.

— Хотя, подтягиваясь до уровня передовых...

— Спасибо за совет и поможешь, товарищ передовик. А что маршрут свой изменил?

— Ну да, будто между прочим, а сама собой большим гномом в мою сторону. Заменяла, думаю, чертова заноза, что я мимо портрета стал ходить. Думаю так не со злостью, а с какой-то даже радостью. Какника, а интересусесь моей личностью.

ПРОШЕЛ к своему шкафу, открыл его и стал доставать инструмент. Сегодня надо сделать срочные прессформы. Их две. Осталось немного. Оно всякий раз так получается: очередные в сторону, срочные подавай, и никаких гвоздей. Сдаем готовые прессформы и закрываем наряд до двадцатого числа каждого месяца. И не мастан в бухгалтерском деле, но видно, чтобы разгрузить счетным работникам. Иначе и итоги не подерешься в срок.

Я слесарь-инструментальщик. К тому же еще и фрезеровщик. Вот и выходит у меня прощентник. Не легко, но успеваю. Работу я свою люблю. Даже отказался от должности старшего мастера. Должность почетна. Но сидеть на окладе — новинка меня.

Начальник наш по этому поводу изрек:

— Жаль, очень жаль, Ажиров. Человек ты с образованием и руки у тебя золотые. Вот тебе и учить новеньких да малоопытных, карты тебе в руки.

Я человек дела. Своими руками могу строить коммунизм.

Так и сказал. Это хоть малость и высокопарно, но говорю, что думаю.

Начальник плечами только пожал: крыть-то нечем.

С тех пор он и не пристаёт ко мне. Вроде бы один из один с ним говоришь, а вот Нинка откуда узнала, в толк не возьму. По дороге домой (задолго еще до того, как вывесить мой портрет, нам с ней чиста было по пути), она и говорит:

— Тут у тебя заработок, конечно...

— Не в том дело, — сразу же сообразил я, о чем речь.

— Да, конечно... — вздохнула она в ответ.

— Психолог, тоже мне, — разозлился и не стал разговор поддерживать.

И всегда так. Чего ей только надо от меня — не знаю. Теперь догадываюсь: неравнодушна ко мне, как и я к ней. Только здорово себя скрывает умеет. Недаром же всю жизнь в художественной самодеятельности. А что, я певец вполне современный. Люблю музыку. Не пропустил ни одного концерта. Хожу даже по абонементам. Для меня не темный лес и

Ветховен, и Рахманинов, и Шопен. Хотя не прочь послушать и Высоцкого. Своя лента есть с его записью. Это же говорит о кругозоре человека. Читал Эдгара По, Сартра. Вообще много читаю и знаю. Коляка Ажиров не пикнул. Молозю носит на ладонях честно и гордится ими. Одним словом, рабочий...

— Послушай, Ажиров, такое дело, срочный опять, матрицу штама нужно. Заказ завод получил на изготовление контакта ламповой панели. Такое дело. Ты быстрее всех сделай.

Это старый мастер подошел с заданием.

— Да и старье, очередные, пора сдавать.

— Сдам в срок. Подчитать кое-что осталось...

— Золотые у тебя руки, Ажиров. Не зря я тебя представляю в значку «Отличник социалистического соревнования». Один за трех идешь.

— А вы меня Нинке похваляйте.

— Так не подводи, Ажиров. Такое дело.

Мастер направился своей дорогой, а я опять стал работать и философствовать...

ЗА НЕСКОЛЬКО минут до конца обеда заглянул в бухгалтерию. Надо узнать, сколько мне выписали. Остроносый, с мелкими кудряшками рыжий Клава привеливо ответила на мой каламбур, мол, и где только эти девчата достают эликсир красоты, распыряла жемужно-светлые глаза.

Подведи-ка, Клавошка, мой долг с кредитом.

Клава раскрыла ведомость. И Цифра, что она назвала, меня поразила больше, чем это могло случиться при громе в ясный день. По моим подсчетам, выходило втрое больше. Здесь что-то не так.

— А другой ведомости нет, Клавошка?

— Сколько мастер сдал. Все правильно, — потухшим голосом ответила Клава, Она, видимо, ждала продолжения разговора о ее красоте, но мне-то было уже не до нее...

— Филиппыч, мало грошей выписано. Я покупку заказывал... — зашел я к мастеру в кабинет. Тот сидел за столом и рылся в куче бумаг. Он поднял ко мне лицо, поправил очки и дружелюбно сказал:

— Все правильно, Николай. Ты ж не сдал до двадцатого четыре прессформы. В наряд они не вошли. Такое дело. Да в

П. Шмаков.

следующем месяце мыслительным станешь. Такое дело. Мастер улыбался. Ему что, а мне денег малоавто.

— Я ж не виноват. Срочные задержали. И тоже последняя не включена.

— Верно. Но порядок есть порядок. Такое дело.

Я не стал продолжать ни-чужего разговора.

ПОД мажорный гул сирены пошел к рабочему месту. И опять меня похлонили мысли-результаты. Старик пошел за принцип. Занят бы я сдал срочные. Включил бы он их и в цеховой план. Осталось пройти разок по проймам, да по прошивкам. Нинка увидит ведомость, улыбнется с ехидней, мол, передовик, а получает, как все. Значит, принцип... Значит, крышка, значит, амба... Я сегодня должен две сдать срочные...

Помечтаю о будущем. Вот будет время и вопрос о деньгах не будет стоять. Не буду зависеть от какого-то старика. При коммунизме работа по способности, а получай по потребности. Из школы еще эти истины выносили. Мол, показывать там книги несколько минут и уступи место товарищу. Все для человека. Все на благо человека. А мы, что не человек! Они самые. Мы строим коммунизм. Основной фундамент закладываем. Нулевой цикл, так сказать... Должны мы или не должны, если не по большому счету, то по половинному, предъявить свои права? Я считаю: должны. Из денег, конечно, не стоит делать культ, но материальный стимул нельзя скидывать со счетов. И так считая, Николай Ажиров. Деньги пока женственная основа.

ТАК и ожидал. К концу смены мастер снова пошел ко мне. Потрогал очки и вынул. Будто я отлох с недавнего времени, сказал, что цех не выполнит плана, если я сегодня не сдам прессформы. Эти две, срочные. Месяц истекло... Предложил остаться после смены и сделать. Да я бы их за полдня сделал, если бы сам со мной такую штуку с деньгами не устроил!

— Ребята без прогрессивки останутся. Жалко, перед самими праздниками...

— От меня ничего не зависит, — я отложил надфиль, повернулся к старику. Посмотрел поверх мастера: Нинка.

«Сдай, думаю, позиции — осудит. Трапкой назовет. Женщины любят сильных и волевых мужчин. Вон у Хемингуэя... Да и вообще, не в отвопнении меня он должен был так поступать. Хотя бы спросил, посоветовался!».

(Окончание на 4-й стр.)

А. ШИШКИН.

НОВЫЕ СТИХИ

Я привлек к тебе, как к веткам,
Что стучится в окна с ветром.
Я привлек к тебе, как к стенам,
Нашим — тихим, неизменным.
Знаю все твои вопросы,
Знаю все твои ответы...
На траву ложатся росы,
В них начинают рассветы,
Кто-то засыпает васа,
Раздается напорчу тучи,
Где-то элампамы всем
Зажелавшиеся лядым.
А у нас всё же, то же,
Так привычно, так похоже.
Я привлек к тебе — горючей.
...Но болом прикинуть блудие.

Об этом мне рассказывала
малы.
А кажется, что сама ты тобою
это:
Двойная неразговорчивая рама
Отгородила мальчишка от лета.
И убежала под дождь, а в сорочке
и сорочке,
Зареванный, он пытался
по аллею

И собирал опаевающие листочки,
Пытался к мокрым веткам ш
привлечь.

Найдем ли? А я вот и сейчас,
Как ни пытался, привлекую
трудно

К тому, что в рождат листья
опалоют,

К тому, что умиряют в мире
любю.

И не разрушить зрелости
аллею.

В пустынную промолкшую
аллею,
Где мальчик, собирающий
листочек,

Набегает к деревням ш
привлечь.

Мне приснился ливень,
Нубым, как усталость,
Лепестками амилей
Речка угриралась.
Вдруг со мною радом,
Около колоды,
По ступенкам радуж
Опустилась сонце.

Село, слоено птица,
На замшелом срубце,
Вспыло водичку
Из бабейки зрелой,
Капля обронило —
Искорка мигнула,
Ты шепнула: «Милый»,
И опять уснула.

Говорил геолог о горах
Так, как будто впряма они

Эго встал, напрягая эсеме:
Сказочный Атлант или Геркулес,
И слова едил, как верный след,
Внутрь и сквозь неведомые
зрлым:

Обернулся извзавьям мрамор,
Золотом — пещники на есёл.
Заткнула извзавьям Тайбон,
Дале и малчины не пенас,
Будто слухал, слушал

с нетерпением.
...Брал геолог камень на ладонь.

СПЕНА ИЗ СПЕКТАКЛЯ
НАРОДНОГО ТЕАТРА
«В ДОБРЫЙ ЧАС»

